

ФИЛОСОФИЯ · PHILOSOPHY

Вестник МИРБИС. 2022. № 4 (32)'. С. 182–192.

Vestnik MIRBIS. 2022; 4 (32)'. 182–192.

Научная статья

УДК 159.9.019 : 141.5

DOI: 10.25634/MIRBIS.2022.4.20

Открытие учения Л. С. Выготского в итальянской культуре и философии

Никита Николаевич Тинус — Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия. tiinusnn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6870-4157>.

Аннотация. Статья посвящена открытию Л. С. Выготского в Италии во второй половине прошлого века. В первой части статьи анализируется процесс импорта учения Выготского в итальянское академическое и культурное пространство. Рассматривается институциональный фактор в распространении культурно-исторического подхода, а также резонанс между идеями Выготского и тенденциями развития итальянской науки и общества 60–70-х годов. Во второй части исследуется приложение психологии Выготского во внеакадемическом радикальном марксизме (операизм, автономизм). Выясняется, как учение советского психолога накладывается на структуралистскую оптику (школа Альтюссера, Делёз и т. д.), позволяя автономистам конкретизировать свою теорию постфордистского общества в области социальной психологии.

Ключевые слова: история психологии, культурно-историческая психология, итальянский марксизм, Выготский, Альтюссер, Ильенков, операизм.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 20–18–00028.

Для цитирования: Тинус Н. Н. Открытие учения Л. С. Выготского в итальянской культуре и философии. DOI 10.25634/MIRBIS.2022.4.20 // Вестник МИРБИС. 2022; 4:182–192.

Original article

The Discovery of L. S. Vygotsky's Thought in Italian Culture and Philosophy

Nikita N. Tinus — Belgorod National Research University, Belgorod, Russia. tiinusnn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6870-4157>

Abstract. The article is devoted to the discovery of L. Vygotsky's legacy in Italy in the second half of the last century. The first part of the article analyzes the process of importing Vygotsky's approach into the Italian academic and cultural space. The institutional factor in the spread of the cultural-historical approach is considered as well as the cohesion between Vygotsky's ideas and the development of Italian science and society in the 60s and 70s. The second part examines the application of Vygotsky's psychology to non-academic radical Marxism (operaism, autonomism). This author elucidates how the Soviet psychologist's approach overlaps the structuralist optics (the school of Althusser, Deleuze, etc.), allowing autonomists to concretize their theory of post-Fordist society in the field of social psychology.

Key words: history of psychology, cultural-historical psychology, Italian Marxism, Vygotsky, Althusser, Ilyenkov, operaism.

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20–18–00028

For citation: Tinus N. N. The Discovery of L. S. Vygotsky's Thought in Italian Culture and Philosophy. DOI 10.25634/MIRBIS.2022.4.20. *Vestnik MIRBIS*. 2022; 4:182–192 (in Russ.).

Введение

Открытие фигуры Выготского в международном масштабе — одна из интереснейших страниц в истории психологии, педагогики и философии. Однако первый крупный перевод, а именно — перевод работы «Мышление и речь» на английский язык, который был выпущен в издательстве MIT Press в 1962 году, остался практически незаме-

ченным². Помимо слабого качества перевода, текст был кардинально сокращен. Но основной причиной того, что он прошел мимо научной общности, было, как принято считать, напряженное отношение к советскому на пике холодной войны. По-настоящему широкий резонанс возник только к концу 70-х с публикацией сборника *Mind and Society*, в который были помещены разнообразные отрывки трудов Выготского. Это

© Н. Н. Тинус, 2022

Вестник МИРБИС, 2022, № 4 (32), с. 182–192.

² Это касается и второго издания, которое вышло там же в 1965 г.

событие оказалось отправной точкой так называемого «Бума Выготского» — идеи ученого и его коллег стали предметом массового интереса и интенсивного освоения. Впрочем, признание того, что учение Выготского — ценный ресурс, требующий исследования, осложнялось ситуацией с его наследием. В самом СССР тексты Выготского были повреждены редакторами, либо существовали в виде разрозненных и неопубликованных рукописей, что усилило искажение авторских идей в процессе их импорта в зарубежное интеллектуальное и культурное пространство³.

Несмотря на это, почти сразу стало ясно, что открытие Выготского сулит переворот не только в узких рамках специальных психологических областей, таких как дефектология или психология развития, но повлияет на гуманитарную и социальную мысль самым широким образом. «Бум Выготского» закономерно вызвал каскад переводов во множестве стран. Идеи советского психолога в каждом отдельном регионе включались в локальный контекст, встраивались в него, трансформировались сами и изменяли соответствующую среду. Причем порой учение Выготского получало совершенно, казалось бы, неожиданное развитие. Задача этой статьи — описать как раз такой случай, а именно историю рецепции Выготского в Италии. Одна из главных тем в современных исследованиях, посвящённых советскому психологу — восстановление подлинного Выготского через работу с архивами, критика ошибочных интерпретаций и формирование достоверного канона. Здесь же я не претендую на собственный вклад в выготсковедение, точнее в эти напряженные дебаты о легитимном взгляде на наследие ученого. Моя задача — в самом общем виде описать процесс, находящийся на периферии исследовательского интереса, а именно процесс инструментализации и приложения идей Выготского в Италии, который, возможно, заслуживает внимания именно в силу своей экстраординарности.

Истоки итальянского выготсковедения: академия и культура

Если в одних странах, как например в США, развитие этой линии мысли тормозилось очевидным идеологическим фактором, то в других — напротив, поддерживалось лояльными советскому проекту политическими силами. Третья четверть

XX века в Италии была временем колоссального подъема Итальянской коммунистической партии (ИКП), крупнейшей в тот период компартии в странах капиталистического блока. Вплоть до «свинцовых семидесятых»⁴ ИКП была прямым проводником интересов СССР и наращивала идеологическое влияние в том числе за счет продвижения и публикации достижений советской науки. Причем усилия в данной сфере зачастую сводились к некритичному заимствованию, что показала, к примеру, курьезная история попытки протолкнуть лысенковщину в итальянскую биологию⁵. Что касается психологии, как минимум до середины 60-х фарватером ИКП было павловское учение. После печально знаменитой Павловской сессии эта линия была зацементирована как генеральная, и хотя Всесоюзное совещание по вопросам физиологии и психологии 1962 года имело признаки «оттепели», в Италии все еще сохранялась определенная инерция. Крупный знаток наследия Выготского Лучано Мекаччи, к вкладу которого мы еще вернемся, анализируя тот период, писал, что распространение советской психологии и психиатрии было важно «в социальном и политическом плане» [Мекаччи 2012, 74] (в отличие, скажем, от той же мичуринской биологии).

Однако экономическое чудо, на волне которого итальянское общество вошло в 60-е, ставило проблемы, решение которых в тех условиях павловская оптика дать не могла. Культурный вызов, во всей красе запечатленный в искусстве эпохи от Альберто Моравиа до Федерико Феллини, — экзистенциальный кризис и чувство тревоги, потеря ориентира в новой реальности сытого достатка. Советское павловское учение, изъятые из неконкурентной среды, проигрывало западноевропейской психологии (главным образом психоанализу), ощущалось редуционистским и даже недееспособным. Психология, которой был озабочен итальянский социум и культура, была «очень далека от той, популяризацией которой занимались итальянские коммунисты-«павловцы», для которых условные рефлексy должны были бы объяснить не только элементарные процессы обучения (на примере собаки, у которой еще до принятия пищи при звуке колокольчика

4 Социально-политический кризис в Италии, продлившийся с конца 60-х до начала 80-х, отличавшийся радикализацией масс и ростом как правого, так и левого экстремизма.

5 Подробнее см.: [Cassata 2012].

3 Подробнее об этом см.: [van der Veer 2015].

начинала выделяться слюна), но также возникновение невротизма, депрессии и шизофрении» [Мекаччи 2012, 74]. Таким образом, итальянским левым требовалась теория, согласующаяся с марксизмом и эффективная в решении проблем современной психологии, а также в объяснении патологий индивидуальной психики.

Первый перевод Выготского состоялся в 1966 году. Работа над «*Pensiero e linguaggio*» [Vygotsky 1962] («Мышление и речь») основывалась на американской версии 62-го и перенесла в итальянский все ее недостатки¹. Впрочем, значимость этого события переоценить сложно — начало было положено коллективом из трех переводчиц (А. F. Costa, М. P. Gatti, М. S. Veggetti), а научным редактором издания стала Анджиола Массуко Коста (Angiola Massucco Costa) — авторитетный психолог и депутат от коммунистов в парламенте. Важным источником информации и вдохновения были академические обмены и прямые контакты с учениками Выготского. Если М. Коул посещал Москву постдокторантом и сотрудничал с А. Лурией, популяризируя идеи Выготского в США, то, например, С. М. Веджетти, одна из авторов упомянутого итальянского перевода, работала с под руководством А. Леонтьева в МГУ на период с 1962 по 1964 год. Следующим этапом стало издание сборника «*Psicologia e pedagogia*» [Vygotsky 1969] («Психология и педагогика»), который помимо Выготского, содержал тексты представителей культурно-исторической психологии (Лурия, Леонтьев и др.). Эти две книги стали знаковыми и привлекли еще больше внимания, когда в 70-х развернулся процесс социального реформирования, поддерживаемый левыми. Изменения в итальянской системе образования были направлены на инклюзию детей с особенностями развития и интеграцию детей-изгоев, а здравоохранение в сфере психиатрии переориентировалось с практики изоляции больных в лечебных учреждениях на организацию их адаптации средствами общественной медико-социальной помощи. Эти реформы пробивались постепенно

на фоне широких общественных дискуссий, пока не были закреплены законодательно в актах об «*Integrazione Scolastica*» (закон 118 от 1971 г. и позже закон 517 от 1977 г.), и в широко известном «законе Базальи» (закон 180 от 1978 г.). Опыт Италии стал передовым, послужив примером для других стран, а учение Выготского в этом отношении показало широким слоям свою современность и мощный потенциал. Критика «буржуазно-филантропичной и религиозной» [Выготский 1983, 71] европейской традиции специальной школы, которая вместо культивации здорового, пестовала дефекты (по сути, сама оборачиваясь травмирующим фактором), оказалась сверхактуальной. Выготский полагал, что «все психологические особенности дефективного ребенка имеют в основе не биологическое, а социальное ядро» [Выготский 1983, 70], больше того — эффективное преодоление дефектов в целом лежит на пути их социальной компенсации. Сами по себе физиологические или психические недостатки не ограничивают психологическое развитие, они могут ограничить доступные каналы взаимодействия с социальной средой, а вот эта трудность уже может иметь непредсказуемые последствия.

Таким образом, социо-политические тенденции Италии 70-х стали питательной основой для интереса к идеям Выготского. Впрочем, несмотря на это нарастающее внимание к трудам ученого, особенно в практической педагогике и дефектологии, итальянская компартия, будучи довольно ригидной структурой, все еще официально декларировала приверженность павловскому учению. Здесь нужно вернуться к свидетельствам Лучано Мекаччи, который известен не только как один из главных представителей итальянского выготсковедения, но и как историк, подробно описавший знакомство Италии с советской психологией. Мекаччи пишет: «Я испытал большое удивление, когда в 1972 году отправился в первый раз на несколько месяцев работать в Москву в Институт психологии [...], где я работал во время своих последующих посещений Москвы. Для своей работы я выбрал лабораторию психофизиологии, в которой в обновленном виде применялась павловская концепция. [...] Однако вокруг лаборатории, и, возможно, даже внутри нее все старые и молодые психологи были «антипавловцами». Наибольший интерес представляли теории Л. С. Выготского и его учеников, начиная с Ле-

¹ В некоторых каталогах существуют указания на издание «*Pensiero e linguaggio*» 1954-го года, однако эта информация не имеет других подтверждений. Л. Мекаччи (исследователь и автор перевода второй, основанной на оригинальном издании 1934-го года, итальянской версии «Мышления и речи» [1990]) любезно сообщает, что эту проблему до сих пор решить не удалось и речь идет, скорее всего, лишь о недоразумении или странной опечатке.

онтьева и Лурии» [Мекаччи 2012, 76]. Очевидный разрыв между внешним декларативным курсом и внутренней, реальной динамикой развития психологии в СССР подтолкнул Мекаччи к работе по реконструкции истории советской психологии. Усилия Мекаччи и других ученых в семидесятые обеспечили движение в сторону трезвой оценки проблем, осознанию противоречий, роли идеологического фактора и цензуры в отношении советской психологии, педагогики и психиатрии. Несмотря на то, что ученики Выготского, такие как А. Лурия и А. Леонтьев были допущены к ключевым постам, с их учителя так и не был окончательно снят негласный запрет, преследующий его наследие как минимум с 1936 года.

Фигура Выготского, очевидно, была частью эпохи авангардной и революционной культуры. Культуры, которая потом была выхолощена, процежена через фильтр идеологии и поставлена под жесткий партийный контроль. В результате такой фильтрации одни идеи оказывались в подполье, а другие становились догмами, подкрепляющими жесткие практики дисциплинирования (какими были, в т. ч. советская школа и психиатрия). Эта история, вполне понятная сегодняшнему читателю, к 70-м только приоткрылась для западной аудитории. Потребность европейских коммунистов в такой авангардной и непарадной науке, не связанной непосредственно с мрачными сторонами советского режима (особенно после танков в Праге) возросла еще больше. Так, благодаря тесным контактам учеников Выготского с одной стороны, заинтересованных итальянских ученых и издателей² с другой, в начале семидесятых состоялась вторая волна переводов Выготского — были выпущены такие работы, как «Воображение и творчество в детском возрасте» (1972), «Психология искусства» (1972), сборники «Психическое развитие ребенка» (1973), «История высших психических функций (и др. сочинения)» (1974) и даже дипломная работа Выготского «Трагедия о Гамлете» (1973). Позже выходили переводы других статей, а также переводы текстов представителей культурно-исторической психологии.

² В частности, нужно отметить большой вклад Джузеппе Гарритано, переводчика и поклонника русской культуры, известного также дружбой с Э. Ильенковым и М. Бахтиным, вовлечением в «дело Пастернака» и «итальянское дело» Ильенкова. Он способствовал появлению переводов Выготского в издательстве ИКП «Editori Riuniti», которое возглавлял в те годы.

Хотя в зарождающемся зарубежном выготсковедении было больше энтузиазма, чем глубокого понимания этих текстов, итальянские исследователи имели крупное преимущество перед советскими коллегами. Оно сводилось к тому, что в Италии можно было обсуждать наследие Выготского гораздо свободнее, тогда как советские психологи продолжали говорить с большой осмотрительностью, обходя стороной социо-политические аспекты и сам культурный контекст работы ученого. В 1979 году произошло историческое событие — в Риме состоялся первый конгресс, посвященный советскому психологу под названием «Выготский и науки о человеке». Как показало это мероприятие, уже вполне информированы об идеях Выготского были специалисты из разных областей — от образования и искусствоведения до лингвистики и философии. Собственно, с этого момента можно отчитывать начало «Бума Выготского» в его международном масштабе — этот период хорошо известен и довольно подробно описан.

Психология Выготского в автономистском марксизме

История поворота к Выготскому в Италии показывает большую заслугу итальянского академического сообщества и отдельных итальянских ученых, их по-настоящему передовую роль в становлении международного известности. Позже, со временем, интерес к идеологическим и социально-философским моментам в учении Выготского уменьшился, тогда как внимание к практическим аспектам культурно-исторической психологии только росло. Вместе с тем, за пределами академии развивался менее заметный, но не менее важный обратный процесс, который будет рассмотрен далее.

В Италии, начиная с 60-х, в рабочей среде наращивали влияние радикальные левые течения, известные под общей маркой «операизма». Операизм развивался как альтернатива официальным партиям, иерархическим и ангажированным советской идеологией. Еще до подъема еврокоммунизма, многие итальянские левые негативно оценивали советский проект, реальный социализм «представлялся им оплотом партийной бюрократии и администрирования, лишь усиливших эксплуатацию рабочих» [Вирно 2015, 126]. В связи с этим усилия операистских интеллектуалов были сосредоточены на том, чтобы предложить

новую теоретическую основу классово-борьбы, сделать эту борьбу снова эффективной и революционной. Стратегия раннего операизма исходила из полного понимания, что в рамках доминирующей на тот момент массовой конвейерной системы организации производства освобождение труда попросту невозможно. Но если взглянуть, как писал М. Тронти, на «историю капитала с точки зрения рабочего класса» [Тронти 2020, 217], то окажется что конкретная практика классово-борьбы всегда вызывала реакцию со стороны капитала — модернизацию технологий и форм производства. Поэтому, вместо того чтобы требовать улучшения условий труда, операисты выступали за последовательный политический отказ от наемной работы на массовом стандартизованном производстве, понимая, что это вызовет очередной технологический скачок и реструктуризацию капитала. В некотором смысле первый операизм не только предсказал, но и породил трансформации — уже к концу 70-х западный мир ощутил симптомы перехода к постфордизму. Как известно, капитал ответил на борьбу против наемного труда прекарризацией, децентрализацией, флексибилизацией труда и производства¹. Паоло Вирно пишет: «Образцовым изделием итальянского капитализма стала трансформация в производственный ракурс как раз того образа действий, который вначале казался выражением радикального конфликта. Преобразование коллективных склонностей 1977-го года (исход с фабрики, нелюбовь к постоянному месту работы, овладение новыми навыками и каналами коммуникации) в обновленный концепт профессионализма (оппортунизм, болтовня, виртуозность и т. п.) — вот наиболее ценный результат итальянской контрреволюции (если понимать под ней не простую реставрацию предыдущего хода вещей, но, буквально, революцию наоборот, или же резкое обновление экономики и общественного устройства для того, чтобы придать новое дыхание производительности труда и укрепить политическое господство)» [Вирно 2015, 102]. Но если идеи операизма в этом конфликте легли в основу инновации, то в отношении самих операистов были уготованы репрессии. Впрочем, по старой итальянской традиции, места заключения оказа-

лись для многих местом плодотворной работы, и идеи тех лет возродились в 90-е («постоопераизм»), углубляя анализ современного общества, где постфордизм уже укрепился и приобрел четкие очертания.

Когда к концу 70-х стало ясно, что крот истории снова сделал-таки свое дело, перед операистами встала задача осмыслить новый глобальный порядок, а значит — привлечь новые интеллектуальные ресурсы. Во-первых, итальянский автономизм отталкивался от альтюссерянского поворота в марксизме. Отказ от гегелевского наследия, предпринятый Альтюссером и стремление помыслить именно Спинозу, а не Гегеля, единственным прямым предтечей Маркса оказали прямое влияние не только на операизм, но в целом на последующие поколения неортодоксальных марксистов Европы. С одной стороны, усилия Альтюссера были направлены на то, чтобы доказать: Маркс не просто «перевернул с головы на ноги» гегелевскую диалектику, демистифицировал ее, поставив на место идеи материю. Критическая экстракция, предпринятая Марксом, заключалась в полной переработке диалектического метода, его существенном преобразовании: «мы больше не нуждаемся в этой метафоре — «переворачивание», ее заменит другая. Перевернуть гегелевскую диалектику = демистифицировать ее = отделить рациональное зерно от иррациональной оболочки. Но отделить в данном случае не значит просеять (что-то оставить, а что-то отбросить). Отделить в данном случае может означать лишь одно: преобразить. [...] Орудие теоретического труда, преобразующее теоретическое сырье, само преобразуется в процессе своей преобразовательной деятельности. Результат — диалектика, которую мы видим в действии на страницах «Капитала»; это уже не гегелевская, а совершенно другая диалектика» [Альтюссер 2005, 98–99].

Так, например, диалектика у Маркса, полагает Альтюссер, не несет в себе телеологии, а противоречие не содержит в свернутом виде будущее снятие (*Aufhebung*). Как точно суммирует А. Пензин, согласно Альтюссеру противоречие «всегда “сверхдетерминировано”, лишено чистоты трансцендентного Закона, то есть имманентно социальному телу, в котором оно реализуется, актуализируя все другие противоречия (культурные, политические, внутрикласовые), которые в свою

¹ Понятно, что здесь действовал целый комплекс факторов, в том числе внутренние экономические причины, такие как кризис перепроизводства и систематическое падение нормы прибыли.

очередь накладываются друг на друга как децентрированные круги, образуя сложное переплетение» [Пензин 2006, 48]. Отрицая гегелевскую диалектику, Альтюссер призывает анализировать Маркса сквозь призму Спинозы, интерпретируя логику последнего как имманентистскую доктрину «структурной причинности». Спинозистский логический метод эксплицируется Альтюссером в категориях целого и части, а точнее, глобальной и секторальных структур, которые относятся друг к другу так же, как субстанция и ее модусы в учении Спинозы. В этом свете, конкретное противоречие всегда сверхдетерминировано глобальной структурой, которая не имеет центра и представляет собой сложное единство в своем многообразии.

Здесь нет нужды углубляться в тонкости осуществленной Альтюссером ревизии. Что для нас более важно — в рамках этой структуралистской логики распадается понятие субъекта. Господство структуры не оставляет места для какого-либо обособленного, свободного от структурных ограничений трансцендентного актора. История, как и вообще любая практика, понимается как процесс без субъекта и цели. Более того, сам индивид децентрирован, конституирован структурой, которая также не имеет центра, отражаясь в форме субъекта разве что в зеркале идеологии.

Это структуралистское сближение Спинозы и Маркса открыло новый горизонт исследований, в котором двигался радикальный итальянский марксизм. Итальянские автономисты развили ту линию, которую мы отметили в мысли Альтюссера. Так А. Негри, исследуя генеалогию европейского мышления, выделял в нем две тенденции — революционной имманенции (от Дунса Скотта до Спинозы и далее) и трансцендентного политического аппарата (от Гоббса до Гегеля и т. д.) [Хардт, Негри 2004]. Антигегелевский поворот здесь приобретает еще более острые черты — диалектика предстает как часть трансцендирующего аппарата «буржуазного опосредования», который, возникнув в Новое время, является продолжением таких институтов, как национальное государство и право. Негри, как и вся операистская традиция, испытала влияние не только Альтюссера, но и Делёза. Последний утверждал, что в действительности бытие и мышление, по сути, аффирмативны, в них нет негативности (любое отрицание — форма утверждения). Соответственно, вместо основных

отношений диалектики, таких как противоречие или тождество противоположностей, следует говорить о различии. В этом имманентном плане не имеет значение только постоянная взаимная изменчивость, производящая индивидуальные различия. Негри настаивает: «диалектике нет места у Спинозы, потому как конституирующий процесс онтологии не знает негативности» [Negri 1991, 213].

Опираясь на французский структурализм с одной стороны, с другой операизм был открыт на встречу живым плодам советской мысли. Например, в автономистских журналах *Corrispondenza Internazionale*² мы можем обнаружить многочисленные комментарии и ссылки на работы русских формалистов, С. Эйзенштейна, М. Бахтина, представителей культурно-исторической теории и наконец самого Л. Выготского. На сегодняшний день эта связь изучена очень поверхностно. В отношении психологии Мекаччи лишь мельком упоминает, что «мысль Выготского была очень высоко оценена в крайне левых группах [...]». Хотя эти публикации не распространялись в сообществе академических психологов, следует отметить, что в крайне левых группах между 70-ми и 80-ми было мало ссылок на предыдущую богатую литературу отношения между Фрейдом и Марксом, в то время как внимание к другому психологу, в то время малоизвестному, но чья теория казалась более совместима с марксизмом и более перспективна для построения нового общества: Выготскому» [Mecacci 2015, 181].

Почему именно психология Выготского, а не психоанализ, была взята на вооружение радикальными операистскими теоретиками, понять несложно. Психоанализ уже составлял часть культурного мейнстрима. В частности, он нашел особое отражение в кинематографе эпохи — передовое итальянское киноискусство (особенно это заметно у П. Пазолини, Ф. Феллини, М. Антониони) исследовало тревогу и основные комплексы во вполне фрейдистских традициях. Одновременно психоаналитическая терапия выступала средством купирования стресса «индивидуального происхождения», так чтобы человек продолжал работать, не размышляя о том, что причины его проблем лежат в общественной плоскости. Бо-

² Доступ к архиву брошюр возможен на сайте: [Petiteplaisance. Associazione Culturale senza fini di lucro. URL: http://www.petiteplaisance.it/corrispondenza_int.html](http://www.petiteplaisance.it/corrispondenza_int.html) (accessed 08/08/2022).

лее того, применяемый в больницах, тюрьмах, фабриках и школах, психоанализ встроился в механизмы социального контроля, продвигая, в конечном счете, асоциальный, аполитичный и конформный индивидуализм [Fox 2011].

Нужно отметить, что интерес к советской мысли был фрагментарным. Так операисты обошли вниманием труды Э. Ильенкова, хотя они, без сомнения, были им известны, ибо выходили в главных левых издательствах. Это тем более удивительно, что Ильенков был крупнейшей фигурой в советском марксизме, развивавший Спинозу и Выготского. Более того, именно Ильенков имеет много общего с Альтюссером и его школой, с одной стороны, оба выступали против советского официального «диамата», с другой — против экзистенциалистских тенденций в европейском марксизме.

Разгадка, можно полагать, коренится в отношении к гегелевской диалектике. Если Альтюссер обращается к наследию Спинозы как орудию в борьбе с негативной диалектикой Гегеля и гегельянским марксизмом, то Ильенков напротив, помещает Спинозу наряду с Гегелем и Марксом в единую линию развития диалектической логики. Ильенков пишет: «Для истории диалектики фигура Спинозы представляет особенный интерес: он едва ли не единственный из великих мыслителей домарксистской эпохи, сумевший соединить блестящие образцы остродиалектической мысли с последовательно и неукоснительно проведенным через всю систему материалистическим принципом понимания мышления...» [Ильенков 1974, 19]. Советский мыслитель никак не мог бы согласиться с (пост)структуралистским прочтением спинозизма как философии абсолютного утверждения, упраздняющей негативное, как и саму возможность диалектики. Диалектика лежит в основании подлинного материалистического философского мышления. Как указывает А. Д. Майданский, мысль Ильенкова развивается в пространстве философского треугольника Спиноза — Гегель — Маркс [Майданский 2017]. Вместе с этим, диалектика Ильенковым понимается совершенно четко — как метод познания, как Логика, а не как абстрактный принцип устройства всего и вся в самой реальности. В последнем случае диалектический подход вырождается в метафизику и спекулятивное мировоззрение (как это имело место у Гегеля, а потом у диаматчиков).

В конечном счете, разрыв с Гегелем и отторжение диалектики при любом ее упоминании настолько укоренились в итало-французском неомарксизме, что мысль Ильенкова осталась неуслышанной. Лишь спустя несколько десятилетий Негри возвращается к Ильенкову. Цитируя «Диалектику абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса», Негри расценивает игнорирование Ильенкова как досадное упущение и признает, что ильенковская мысль привнесла «в анализ капиталистического развития намного больше, чем это было сделано во Франкфуртской школе или в русле традиции Лукача» [Негри 2009].

Ирония в том, что психология Выготского, как и мысль Ильенкова, развивалась в координатах треугольника Спиноза — Гегель — Маркс. С одной стороны, Выготский видел перспективу развития марксистской психологии в реализации идей Спинозы (в первую очередь в связи с понятием аффекта). С другой стороны, сложно было бы преувеличить влияние гегелевской диалектики на работу Выготского (особенно в отношении инструментальной теории). Более того, есть гипотеза, что истоки культурно-исторической психологии первоначально сложились именно в трудах Гегеля, а «ее краеугольный камень был заложен еще в «Феноменологии духа»» [Майданский 2020, 14].

Но в операистском марксизме работы Выготского были восприняты именно как продолжение спинозистского учения (понятого в структуралистском духе как философия имманентизма и чистого утверждения) в области психологии. С точки зрения автономистов общество находит свое выражение в отдельных индивидах так же, как субстанция находит выражение в своих модусах у Спинозы. Каждый индивид уникален, вместе с тем выражая собой всеобщее. Но что это означает в практическом смысле? Основная мысль психологии Выготского, согласно которой онтогенез протекает по траектории от первоначальной социальности к постепенной индивидуализации, от интерпсихического к интрапсихическому, занимает в операизме центральное место. Правильный вопрос по Выготскому, будет звучать не «как индивид ведет себя в коллективе?», а «как коллектив сформировал психику индивида?». Выготский перефразирует шестой тезис Маркса о Фейербахе, утверждая, что «психическая природа человека представляет совокупность об-

ществленных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры» [Выготский 1983, 146]. Причем, речь не идет о простом впечатывании социальных условий в образ индивида, создание устойчивых типов личности — такой вульгарный подход Выготский отрицал. Интериоризация общественных отношений внутрь личности происходит опосредованно, с помощью орудий — орудий труда, и что особенно важно, знаковых средств. Изобретение таких орудий как раз подталкивает исторический и культурный процесс, а вместе с ним — процесс трансформации психики. В этом плане, сознание средневекового крестьянина отличается от сознания современного клерка не метафорически, а напрямую — оно принципиально иначе устроено на уровне самой своей материальной структуры. Усвоение тех или иных знаковых средств видоизменяет структуру мозга, одновременно «социализируя» его, образуя внешние связи.

Эта тема чрезвычайно занимает операистских теоретиков. Уже в подпольных журналах *Corrispondenza Internazionale*, помимо отрывков из «Мышления и речи», также перепечатывается и комментируется «Инструментальный метод в психологии», и даже предпринимается попытка дополнить Павлова и Выготского, предложив достаточно курьезную концепцию «третьей сигнальной системы», связанной с тотальностью государства, сверхдетерминацией и формированием особого типа рефлексов в интересах высших властей¹. Концепция индивидуации Выготского в этой причудливой перспективе сближается с Симондоном и даже Бахтиным. Доиндивидуальный субстрат, включающий в себя весь комплекс исторически формируемых и присущих нашему виду способностей (язык, речь, невербальные знаки) предшествует индивиду, из которого тот черпает средства для формирования своей личности, нащупывая дистанцию с коллективом и конструируя собственное Я. Намного позднее П. Вирно в своем эссе «Когда слово становится плотью: язык и природа человека» обращается к концепции Выготского как к концепции индивидуации — он видит в ней объяснение процесса, в котором из неразличимого «мы» выделяются сингулярные «я». Естественно-исторический (материнский) язык представляет собой доиндивидуальную

реальность, он принадлежит всем и никому, в то время как сама речевая способность всегда соотносится с конкретным живым телом. Вирно выделяет перформативный аспект эгоцентрической речи; она предназначена продемонстрировать сам факт высказывания, ее логический смысл сводится к выражению «я говорю!» [Virno 2015]. Довольно типично, что ребенок часто говорит сам с собой, но придает значение присутствию других. Произнося нечто, ребенок делает себя видимым для других, и одновременно для самого себя, расценивая себя как источник высказывания, — данный процесс отражает происхождение индивидуального самосознания [Virno 2015, 68–72].

Далее, эта теория разворачивается в плоскости политэкономии. Мышление описывается Выготским как деятельность сугубо социальная в своих основаниях. Мышление не является, особенно сегодня, делом приватным (как это рисовала, скажем, картезианская традиция). При этом, обращаясь к современному постфордистскому режиму производства, мы видим, что для него характерна, с одной стороны высокая автоматизация, а с другой — полное задействование коммуникации, аффектов, интеллекта как основополагающих производительных сил. Производство прибавочной стоимости становится тождественным производству самого субъекта. Инкорпорирование самого антропогенеза внутрь производства для Вирно — это кардинальный вызов, нечто «посильнее хайдеггерианской болтовни об “эре техники”» [Virno 2015, 59]. В сведении межличностных отношений и самой коммуникативной способности к наемному труду Вирно видит трагедию современного человека.

Выготский в свое время возлагал надежды на то, что автоматизация приведет к постепенному уничтожению разделения труда и наступит эра политехнизма. Но пока взрывной рост автоматизации сопровождается углублением этого разделения. Ядром экономики первого мира становится сервильный и коммуникативный труд (прочее производство либо автоматизируется, либо перемещается в «развивающиеся страны»). На первый взгляд очевидна тенденция к тому, чтобы труд был все более гибким, виртуозным и универсальным, но несмотря на это разделение труда усиливается в глобальном масштабе, теперь уже между разными регионами.

1 См.: [Corrispondenza Internazionale 1980].

Операисты, в этой связи, поднимают две проблемы. Во-первых, такой труд не поддается ясной оценке. Он не поддается измерению, его результат не соотносится с затраченным временем и т. д. Закон стоимости больше не работает. А. Пензин, комментируя постановку этого вопроса у Негри, суммирует: «Время труда несводимо к опосредованному гегелевскому процессу — это система неопределенных длительностей, не контролируемых обычной мерой. [...] Все эквиваленции и стоимости теряют основание, становясь эффектом произвола, или простого насилия. В мире, онтология которого стала скорее спинозистской, чем гегелевской, труд и форма его субъективности, множество, разворачиваются в пространстве “безмерного”» [Пензин 2004]. Во-вторых, капитал почти никак не вкладывается в коммуникативное и аффективное производство, а лишь паразитирует, извлекая конечную прибыль. Более того, капитал маскируется, стремясь передать всю инициативу трудящимся, так как в описанных условиях чем меньше регуляции, тем больше про-

изводительность труда. Вместе с этим капитал не может надежно контролировать ту творческую учреждающую силу, которую сам же и подпитывает.

Заключение

В итоге мы приходим к странной идее «коммунизма капитала» [Вирно 2015, 116–119] — если капитализм прошлого пестовал отдельные, необходимые в производстве способности, подавляя и отчуждая все другие, то сегодня он заинтересован в универсальном развитии личности, интенсификации связей в человеческих коллективах. Сам капитал подготавливает условия, гарантирующие коммунистическому обществу реальную перспективу. Впрочем, кажется, что все не так просто — практика подчинения и эксплуатации глубоко вросла в наш язык и культуру, все еще структурируя наше сознание в соответствии с образцами прошлого. Новые инструменты, способные обеспечить «социалистическую переделку человека» пока еще не изобретены.

Список источников

1. Альтюссер 2005 — Альтюссер Л. Ленин и философия. Москва : Ad Marginem, 2005. 176 с. ISBN: 5-93321-092-7.
2. Вирно 2015 — Вирно П. Грамматика множества. Москва : Ад Маргинем, 2015. 144 с. ISBN: 978-5-91103-249-4.
3. Выготский 1983 — Выготский Л. Собрание сочинений в 6-ти т. Том 3. Москва : Педагогика, 1983. 368 с.
4. Выготский 1983 — Выготский Л. Собрание сочинений в 6-ти т. Том 5. Москва : Педагогика, 1983. 368 с.
5. Ильенков 1974 — Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Москва : Политиздат, 1974. 271 с.
6. Майданский 2017 — Майданский А. Д. Треугольник Ильенкова: марксизм в поисках философских корней. DOI: 10.33280/2310-3817-2017-5-2-136-163. EDN: MVPKIU // Stasis. 2017; 5(2):446–474. ISSN: 2310-3817.
7. Майданский 2020 — Майданский А. Д. Гегель и культурноисторическая психология. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-2. EDN: RQKJFT // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020; 6(4):13–17. eISSN: 2408-932X.
8. Мекаччи 2012 — Мекаччи Л. Русская психология и психиатрия в Италии во второй половине XX века // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека Дубна. 2012; 3: 73–80. ISSN: 2076-7099.
9. Негри 2009 — Негри А. Размышления о диалектике и том, как она понималась в ряде случаев / перевод с итальянского Д. Новикова, редакция и примечания А. Пензина [2009]. Текст : электронный. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/polis/negri_что3.htm (дата обращения: 08.08.2022).
10. Пензин 2006 — Пензин А. За Маркса // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2006; 4-5: 48–49. ISSN: 1815-7912.
11. Тронти 2020 — Тронти М. Стратегия отказа. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-1-215-237. EDN: QOUOKE // Социология власти = Sociology of Power. 2020; 32(1): 215–237. ISSN: 2074-0492; eISSN: 2413-144X.
12. Хардт 2004 — Хардт М., Негри А. Империя / Перевод с английского, под редакцией Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. Москва : Праксис, 2004. 440 с. ISBN: 5-901574-40-0.
13. Cassata 2012 — Cassata F. The Italian Communist party and the "Lysenko affair" (1948-1955). DOI: 10.1007/s10739-011-9286-4 // Journal of the History of Biology. 2012; 45:469–498.
14. Corrispondenza Internazionale 1980 — Corrispondenza Internazionale, Bimestrale di documentazione

- politica. 1980; 16–17 // *Petiteplaisance*. Associazione Culturale senza fini di lucro. Text : electronic. Available at http://www.petiteplaisance.it/ebooks/ci/ci_3016/ci_3016.pdf (дата обращения: 08.08. 2022).
15. Fox 2011 — Fox D. Anarchism and Psychology. DOI: 10.3798/tia.1937-0237.11029 // *Theory in Action*. 2011; 4: 31–48.
 16. Mecacci 2015 — Mecacci L. Vygotsky's reception in the West: The Italian case between Marxism and communism. DOI: 10.1177/0952695115575409 // *History of the Human Sciences*. 2015; 2: 173–184.
 17. Negri 1991 — Negri A. The Savage anomaly. The power of Spinoza's Metaphysics and Politics. The University of Minnesota, 1991. 277 p. ISBN: 0-8166-1876-3.
 18. van der Veer 2015 — van der Veer R., Yasnitsky A. Translating Vygotsky. Some problems of transnational Vygotskian science. DOI: 10.4324/9781315714240 // *Revisionist revolution in Vygotsky studies. The state of the art*. 2015; 143–174.
 19. Vygotsky 1962 — Vygotsky L. *Pensiero e linguaggio*. Giunti Barbera : Firenze, 1962. 253 p.
 20. Vygotsky 1969 — Vygotsky L. *Psicologia e pedagogia*. Editori Riuniti: Roma, 1969. 301 p.
 21. Virno 2015 — Virno P. *When the Word Becomes Flesh: Language and Human Nature*. Los Angeles: Semiotext(e), 2015. 264 p. ISBN: 9781584350941.

References

1. Althusser L. *Lenin i filosofiya* [Lenin and Philosophy]. Moscow : Ad Marginem Publ., 2005. 176 p. ISBN: 5-93321-092-7 (in Russ.).
2. Virno P. *Grammatika mnozhestva* [Grammar of set]. Moscow : Ad Marginem Publ., 2015. 144 p. ISBN: 978-5-91103-249-4 (in Russ.).
3. Vygotsky L. *Sobraniye sochineniy v 6-ti t. Tom 3* [Collected works in 6 volumes. Volume 3]. Moscow : Pedagogika Publ., 1983. 368 p. (in Russ.).
4. Vygotsky L. *Sobraniye sochineniy v 6-ti t. Tom 5* [Collected works in 6 volumes. Volume 5]. Moscow : Pedagogika Publ., 1983. 368 p. (in Russ.).
5. Ilyenkov E. V. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic. Essays on history and theory]. Moscow : Politizdat Publ., 1974. 271 p. (in Russ.).
6. Maidansky A. D. Treugol'nik Il'yenkova: marksizm v poiskakh filosofskikh korney [Ilyenkov Triangle: Marxism in Search of Philosophical Roots]. DOI: 10.33280/2310-3817-2017-5-2-136-163. EDN: MVPKIU. *Stasis*. 2017; 5(2):446–474. ISSN: 2310-3817 (in Russ.).
7. Maidansky A. D. Gegel' i kul'turnoistoricheskaya psikhologiya [Hegel and cultural-historical psychology]. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-2. EDN: RQKJFT. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nyye i gumanitarnyye issledovaniya*. 2020; 6(4):13–17. eISSN: 2408-932X (in Russ.).
8. Mecacci L. Russkaya psikhologiya i psikhiatriya v Italii vo vtoroy polovine XX veka [Russian psychology and psychiatry in Italy in the second half of the twentieth century] *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka Dubna*. 2012; 3:73–80. ISSN: 2076-7099 (in Russ.).
9. Negri A. Razmyshleniya o dialektike i tom, kak ona ponimalas' v ryade sluchayev [Reflections on dialectics and how it was understood in a number of cases]. Translation from Italian by D. Novikov, edition and notes by A. Penzin [2009]. Text : electronic. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/polis/negri_chno3.htm (date of access: 08.08.2022) (in Russ.).
10. Penzin A. Za Marksa [For Marx]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2006; 4-5:48–49. ISSN: 1815-7912 (in Russ.).
11. Tronti M. Strategiya otkaza [Refusal strategy]. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-1-215-237. EDN: QOUOKE. *Sociology of Power*. 2020; 32(1): 215–237. ISSN: 2074-0492; eISSN: 2413-144X (in Russ.).
12. Hardt M., Negri A. *Imperiya* [Empire]. Translated from English, edited by G. V. Kamenskaya, M. S. Fetisov. Moscow : Praxis Publ., 2004. 440 p. ISBN: 5-901574-40-0 (in Russ.).
13. Cassata F. The Italian Communist party and the "Lysenko affair" (1948-1955). DOI: 10.1007/s10739-011-9286-4. *Journal of the History of Biology*. 2012; 45:469–498.
14. *Corrispondenza Internazionale*, Bimestrale di documentazione politica. 1980; 16–17 // *Petiteplaisance*. Associazione Culturale senza fini di lucro. Text : electronic. Available at http://www.petiteplaisance.it/ebooks/ci/ci_3016/ci_3016.pdf (accessed 08/08/2022).
15. Fox D. Anarchism and Psychology. DOI: 10.3798/tia.1937-0237.11029. *Theory in Action*. 2011; 4: 31–48.
16. Mecacci L. Vygotsky's reception in the West: The Italian case between Marxism and communism.

DOI: 10.1177/0952695115575409. *History of the Human Sciences*. 2015; 2: 173–184.

17. Negri A. *The Savage anomaly. The power of Spinoza's Metaphysics and Politics*. The University of Minnesota, 1991. 277 p. ISBN: 0-8166-1876-3.
18. van der Veer R., Yasnitsky A. Translating Vygotsky. Some problems of transnational Vygotskian science. DOI: 10.4324/9781315714240. *Revisionist revolution in Vygotsky studies. The state of the art*. 2015; 143–174.
19. Vygotsky L. *Pensiero e linguaggio*. Giunti Barbera : Firenze, 1962. 253 p.
20. Vygotsky L. *Psicologia e pedagogia*. Editori Riuniti i: Roma, 1969. 301 p.
21. Virno P. *When the Word Becomes Flesh: Language and Human Nature*. Los Angeles: Semiotext(e), 2015. 264 p. ISBN: 9781584350941.

Информация об авторе:

Тинус Никита Николаевич — младший научный сотрудник, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, Белгород 308015, Россия. SPIN-код 4449-9309, AuthorID (РИНЦ) 1124542.

Information about the author:

Tinus Nikita N. – junior research fellow, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy st., Belgorod 308015, Russia. SPIN-code 4449-9309 Author ID (RSCI) 1124542.

*Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 04.10.2022; принята к публикации 11.11.2022.
The article was submitted 09/16/2022; approved after reviewing 10/04/2022; accepted for publication 11/11/2022.*